

ными причинами, не говоря уже о том, что по меньшей мере странно видеть в телесных вожделениях атрибут классицизма! Ведь общеизвестно, что именно романтики предпочитали в искусстве чувственность разуму. Если в самом деле можно говорить о раздвоенности литературного развития, которое можно наглядно представить двумя постоянно пересекающимися синусами, мы предпочли бы для определения их доминант понятия реализм и романтизм, утверждая это, мы основываемся на рабочей гипотезе, что в контуре каждой художественной школы основой является эстетическое отношение к действительности. Эстетическая модель (идеал) ищется или в действительности, или вне ее. Между прочим, для всех течений, определяемых Кржижановским как классические (возрождение, классицизм, позитивизм) характерно убеждение, что модель красоты — в жизни. Но из всех этих лишь реализм XIX века (критический реализм, или по терминологии польского теоретика — позитивизм), программно сам себя назвал *реалистическим*. В то же время не случайно его антиромантизм ярче проявился в некоторых славянских литературах. Русская «натуральная школа», например, оформилась, противопоставляя себя представителям романтического эпигонаства. Интересно еще добавить, что главным образом в России первые поколения писателей, выступающих под знаменем критического реализма, не только не отрицали ценности, накопленные в эпоху поступательного развития романтизма, но, наоборот, даже считали себя непосредственными продолжателями традиции. Это обстоятельство как известно, смущало и смущает некоторых исследователей, которые с одной стороны приписывают русскому романтизму и реалистические черты, а с другой видят в подвигническом мессианстве русской литературы второй половины XIX-го века своего рода возрождение романтизма. Это недоразумение объясняется, на наш взгляд, тем же смешением вне- и внутренне-литературных факторов. Надо иметь в виду специфику развития русской литературы, которая, начиная с последних десятилетий XVIII века, стала глашатаем великих идеалов свободы и социальной справедливости. Пока борцы за эти идеалы были, по известному высказыванию Ленина, — очень далеки от народа, было, естественно, чтобы соответствующие идеалы воплощались предпочтительно в романтических образах. Но когда пришла пора развернутой практической революционной деятельности во имя тех же идеалов, романтизм был низвергнут.

Но как могла быть провозглашена обладательницей эстетических ценностей действительность, отрицаемая во имя всех передовых, включительно эстетических, идеалов? Эту на первый взгляд неразрешимую задачу, блестяще разрешили мастера критического реализма.

Как это подчеркнул в цитированном нами труде Эрих Ауэрбах, доромантический реализм был во всех его ипостазях реализмом ограниченным, в том смысле, что ратовал за подражание природе, то есть действительности лишь в некоторых ее сферах, предписывая дифференцированное эстетическое восприятие различных сторон социальной среды. По отношению к этой стороне доромантического реализма, реализм послеромантический был несравненно шире, считая эталоном красоты не ту или другую сторону жизни, а всю действительность, во всей ее совокупности. Основные труды Чернышевского являются с этой точки зрения красноречивым доказательством.